

УДК 94 (3)

ЭЛЛИНИЗАЦИЯ МАКЕДОНИИ В IV–III вв. до н. э.: К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ОБЪЕКТИВНОГО ПРОЦЕССА

© 2012 г.

Н.Ю. Сивкина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

natalia-sivkina@yandex.ru

Поступила в редакцию 05.11.2012

Анализируются особенности градостроительной деятельности македонских царей, влияние иностранных традиций на придворную жизнь и отношения между греками и македонянами в рамках эллинских союзов 338 и 224 гг. до н. э. Автор приходит к выводу, что иностранные элементы широко заимствовались македонянами в политической, общественной и культурной сферах, при этом эллинизация государства была результатом прагматичной политики македонских правителей.

Ключевые слова: эллинизм, Филипп II Македонский, Филипп V Македонский, Эллинская лига.

В географическом отношении Македонию принято делить на две части: Нижняя Македония представляет собой прибрежную равнину, окруженную холмами со всех сторон, кроме востока, Верхняя Македония – обширное плато за холмами, которое, в свою очередь, окружено горными хребтами (Strab. VII. fr. 10). В силу своего расположения эта территория открыта как для внешних вторжений, так и для мирных контактов с другими племенами, поэтому тенденция к смешению народов присутствовала в Македонии с древнейших времен. В конце бронзового века по Южной Македонии проходила граница расселения греческих племен; вероятно, в VII в. до н. э. некоторые из них («македоняне») заняли Эги, а затем и равнину Нижней Македонии, другие племена перемешались с иллирийцами, пеонийцами и фракийцами [1, с. 565]. В более поздний период домакедонское население не было полностью вытеснено македонскими колонистами. Относительно высокий процент названий, засвидетельствованных в завоеванных областях после 479 г. до н. э., имеет немакедонское происхождение [2, app. 5].

Процесс формирования македонского государства можно восстановить лишь гипотетически, так как источники, прежде всего Фукидид, содержат мало информации. Объединение македонянами соседних территорий обычно рассматривается как завоевание (Thuc. II. 99), однако в исследовательской литературе допускается и альтернативный вариант: возможно, имело место добровольное присоединение соседних племен, для которых власть македонских царей (из династии Аргеадов) казалась привлекательной из-за угрозы внешних вторжений [3,

р. 134]. Данная версия не лишена оснований, так как области Верхней и Нижней Македонии, хотя и были в значительной степени самостоятельны, но были связаны друг с другом основными торговыми путями, которые ведут на север, в Центральные Балканы, на юг, в Грецию, на запад, к Адриатике, и на восток, во Фракию [4, р. 74]. Скорее всего, в зависимости от конкретной ситуации присоединение соседних земель могло быть как насильственным, так и мирным. В конечном счете все эти народы, независимо от их происхождения, были ассимилированы македонянами [5, р. 43–44].

Процесс первоначальной интеграции разнородных этнических элементов облегчался сближением элиты этих обществ. Примечательно, что среди археологических находок, относящихся к VI – первой половине V в. до н. э., найденных в Вергине, Пелле, Амфиполе, во Фракии и других местах, встречаются однотипные золотые погребальные маски; т. е. люди, которые относились к высшему сословию, но принадлежали к разным сообществам и пользовались разными языками или диалектами, имели схожие похоронные обряды [3, р. 134; 6, р. 331–332]. Постоянные военные и культурные контакты с соседями заложили основу для широкого заимствования иностранных элементов в общественной, политической и культурной сферах жизни македонян.

Сразу следует отметить, что древняя Македония находилась в ареале древнегреческой культуры: македоняне носили греческие имена, поклонялись олимпийским богам; все сохранившиеся документальные источники, и в первую очередь эпиграфические свидетельства,

написаны на древнегреческом; при царском дворе находились представители греческой интеллигенции. Происхождение македонян является предметом давней дискуссии, на которую в последнее время часто оказывают влияние политические проблемы современного мира. Надписи, найденные в Македонии, в основном датируются периодом после правления Филиппа II, когда диалект койне стал официальным языком дипломатической переписки. Свидетельства древних авторов, в зависимости от политических мотивов их сочинений, противоречивы: одни писатели подчеркивали общее происхождение и общий язык македонян и греков, другие отрицали это. Но за последние 30 лет открытие, систематизация и публикация надписей позволили изучить морфологические и фонетические особенности имен и терминов, на основании которых можно утверждать, что македонский язык был диалектом греческого, на фонологию которого оказали влияние языки покоренных народов [5, р. 44]. Неудивительно, что верхние страты македонского общества были сильно эллинизированы [7, р. 407; 8, р. 92], это было следствием объективного процесса. Однако, несмотря на то что македонские монархи прилагали усилия, чтобы в греческом общественном мнении они перестали восприниматься как «варвары», отставание Македонии в культурном отношении от Греции, родоплеменные пережитки, наличие традиционной царской власти и союз с Персией во время греко-персидских войн, – все это способствовало нежеланию греческой элиты признавать это родство. Поэтому, не затрагивая сферу духовной культуры, остановимся на политической подоплеке процесса эллинизации Македонии, чтобы выяснить, как сами македоняне относились к грекам и можно ли говорить о преобладающем влиянии именно греческих идей и традиций на политику македонских царей, ведь в силу особенностей своего географического положения и исторического развития Македония испытала влияние и других культур.

В истории Македонии IV–III вв. можно выделить два этапа, когда политика царей была направлена на сглаживание противоречий между греками и македонянами, выработку компромиссных форм взаимоотношений; соответственно, объективный процесс эллинизации получал дополнительный стимул для развития.

Первый этап, повлекший активное взаимовлияние соседних народов, связан с деятельностью македонского царя Филиппа II (Just. VIII. 6. 1–2). Хотя этот правитель известен как завое-

ватель и победитель греков, его политика внутри государства опиралась на относительное равенство между «старыми» и «новыми» гражданами, между побежденными и победителями. Первый эксперимент с включением греческого города-государства в состав Македонского царства Филиппа II провел после завоевания Амфиополя (Diod. XVI. 8), который стал чем-то вроде модели для новых городов, которые были основаны Филиппом на «новых территориях» царства, а затем Александром и его преемниками в эллинистическом мире [9, р. 417]. В Амфиополе произошло перераспределение земель, суровые меры коснулись лишь противников Македонии. При этом изучение эпиграфики Амфиополя эллинистического периода подтверждает сосуществование названий типично македонского и ионического происхождения; представители разных этносов торговали друг с другом и, что более важно, занимали главные должности городского правительства [10, р. 351; 11, р. 181–182]. К началу эллинистического периода все свободные жители «национальной» территории, независимо от их этнического происхождения, были гражданами одного македонского сообщества и вместе формировали македонский этнос [11, р. 209]. При этом полнотой политических прав обладали потомки тех, кто основал государство Аргеадов и приравненные к ним [5, р. 45].

Правление Александра Македонского следует в данном случае рассматривать как продолжение и развитие политики Филиппа, но в рамках государства иного типа. Александр следовал принципам, заложенным его отцом, трактуя идею единства как всеобщее согласие народов, живущих на покоренной им территории, как лояльность победителей по отношению к побежденным, и наоборот. В сущности, целью его политики было унифицирование массы подданных [12, с. 290 слл]. Следуя так называемой политике слияния народов, Александр поощрял браки своих солдат с восточными женщинами, строил города в восточной части своей новой державы, привлекал на службу представителей местного населения и даже планировал переселить народы из Европы в Азию, а из Азии – в Европу (Plut. Alex. 70; Just. XII. 10. 10; 12. 2; Diod. XVIII. 4. 4). Диадочи впоследствии отказались от многих планов Александра, действительность оказалась гораздо сложнее, чем представлялась вначале.

Второй этап, когда греко-македонские отношения оказывали существенное влияние на македонскую политику, совпадает с правлением предпоследнего царя Филиппа V.

Поскольку не представляется возможным в небольшом исследовании показать все стороны процесса эллинизации Македонии в течение двух столетий, остановимся на трех аспектах политики македонских правителей, на которые греки оказали существенное влияние: 1) особенности греческого влияния на градостроительную деятельность в Македонии, 2) матримониальная политика царей и иностранное влияние при дворе, 3) греко-македонские отношения в рамках Эллинских лиг IV–III вв. до н. э.

1. В патриархальной монархии, какой была Македония в первые века своей истории с преимущественно сельскохозяйственным населением и племенными учреждениями, создание городов полисного типа было невозможно. Лишь со времен Филиппа II в Македонии появляются города, обладавшие разным статусом. О конституции таких македонских городов почти ничего не известно [13, S. 366], ничего определенного нельзя утверждать и о степени автономии даже таких центров, как Пидна, Бероя, Эдесса [14, p. 236]. В сущности, до Филиппа крупных городов в Македонии было мало, население проживало в деревнях и небольших городках [15, p. 480].

Пелла, столица Македонии, была самым большим городом в Македонии (Xen. Hell. V. 2. 14), хотя Страбон говорит, что этот город был маленьким до эпохи Филиппа II (Strab. VII. fr. 20). Раскопки на территории Неа-Пеллы, в 40 км к северо-западу от Салоник, открыли часть античного акрополя и нижнего города. Здесь стояли двухэтажные каменные и кирпичные дома с внутренними двориками и перестилками с дорическими колоннами в подражание греческим городам, а царский дворец имел широкий двор, украшенный галечными мозаиками с мифологическими и охотничьими сюжетами [16, с. 42; 17, p. 393–395].

В первые же годы своего правления Филипп II вел активную внешнюю политику, расширяя границы собственного государства. При этом завоеванные города по статусу отличались от собственно македонских. Так, например, Филиппы после завоевания их царем не потеряли полисных привилегий (Diod. XVI. 22); в городе были отстроены укрепления, осушены болота в окрестностях, а население получило льготы [18, p. 35]. Известно, что впоследствии Александр признавал права Филиппа на прилегающую к городу территорию в долине реки Стримон [11, p. 71]. В первые годы после переименования здесь использовался не македонский календарь, а македонские имена довольно

редко встречаются в надписях, что свидетельствует о преобладании ионийских элементов среди населения [19, p. 440]. Определенно можно сказать лишь то, что Филиппы в I в. до н. э. уже были частью Македонии, а в III в. до н. э. город даже имел собственную чеканку монет. Аннексией Халкидики царь значительно увеличил количество македонских городов. Хотя сам факт их включения в Македонское царство привел к потере суверенитета и к прекращению их существования как полисов в классическом смысле этого термина, они, однако, сохранили свои учреждения и свою местную самостоятельность [20, p. 39]. Возможно, жители некоторых городов были переселены в глубь страны (Syll.³ 331) [1, с. 582].

Сам Филипп II вел действительно грандиозное городское строительство по сравнению с предшествовавшими эпохами. Города, которые он построил в пределах своего царства, были одновременно военными базами и центрами ремесла и культуры, но автономией не обладали. В целом было бы рискованно утверждать, что администрация городов при Аргеадах была единообразной, так же как и то, что Македония в этот период представляла собой государство, состоящее из городов и автономных областей [20, p. 40, 42]. Важнее другое: царь предоставлял автономию из политических соображений, этой мерой он располагал к себе не только население завоеванного города, но и возможных сторонников в других городах.

Кроме того, политический аспект предоставления льгот усиливался экономическим и демографическим факторами. Ведь в условиях постоянных военных конфликтов политика царя была нацелена не только на создание прочного государства, но и отчасти на восполнение людских потерь. Так, Юстин указывал, что одни народы царь поселил у границы, чтобы они давали отпор врагу, другие – в самых отдаленных пределах своего царства, а некоторые расселил по городам для пополнения их населения (Just. VIII. 6. 1). Подобным образом поступал позднее Филипп V, привлекая в Македонию трудовое население из Фракии с целью увеличения рождаемости (Polyb. XXIII. 10. 6–7; Liv. XXXIX. 24. 1–4). По приблизительным подсчетам, территория Македонии при Филиппе II увеличилась почти втрое, а население возросло вдвое [21, с. 31]. Иными словами, демографический фактор при строительстве новых и присоединении старых городов должен был играть немалую роль. Построенные города открывали новые торговые возможности для македонян и греков, а греческая предприимчивость могла способ-

ствовать экономическому процветанию Македонии. Поэтому, будучи заинтересованным в том, чтобы греки остались жить в полисах, но уже в составе Македонского царства, царь был вынужден сохранить привычный для них уклад жизни. Иными словами, следует отдать должное продуманной позиции Филиппа в каждой конкретной ситуации.

Можно обратиться к политике Александра в отношении городов Малой Азии. Как известно, многим из них царь гарантировал сохранение прав и свобод. Совершенно справедливо принято различать понятие «свобода» в отношении классического греческого полиса и «свободу» городов Малой Азии после освобождения их от власти персов [22, с. 50–53; 23, с. 61; 24, с. 185; 25]. Действительно, новый статус города зависел часто от того, какую позицию занимал полис по отношению к завоевателю, поэтому свобода и автономия малоазиатских городов в державе Александра была неодинаковой (Ср., например: Arr. I. 17. 10; 18. 1–2; 19. 6; II. 5. 9). Но едва ли стоит утверждать, что македонский царь в Малой Азии внедрял новый принцип управления. Может быть, правильнее будет сказать, что дифференцированный подход к городам и соблюдение «свободы» полиса были в духе македонской традиции. Поэтому то, что обычно понимают под свободой эллинистического города, то есть невмешательство правителя за редким исключением во внутренние дела полиса, наличие гарнизона и уплата налогов, все это, видимо, существовало в присоединенных городах Македонии до Восточного похода.

Новый тип городов распространяется в Македонии после Александра. Одним из следствий Восточного похода была интенсификация политических, экономических и культурных контактов Македонии с Грецией и Ближним Востоком [20, р. 39]; развитие городских центров было проявлением этих процессов. При диадохах большие города Македонии типа Фессалоник (Strab. VII. fr. 21) и Кассандрии были организованы в соответствии с греческой моделью полиса, с собраниями, советами и т.д. Кассандрия первоначально была основана как немакедонский город, теоретически независимый и союзный Македонии [13, S. 365; 26, р. 101]. В более поздних документах использование македонского календаря и принятие гражданами города этника «македонец» показывает, что город вошел в состав Македонского царства в первой половине III в. до н. э. в правление Антигона Гоната [11, р. 165]. Деметриада – опора македонской власти в Греции и ставка царя – до конца оставалась вне «национальной» террито-

рии Македонии. Являясь македонским городом с македонскими, а не фессалийскими или магнесийскими политическими учреждениями, довольно быстро Деметриада стала самым космополитическим городом Фессалии [27, р. 319]. Антипатрия в Иллирии (Liv. 31. 27. 2), по видимому, была основана Кассандром, дата основания не известна, возможно, 314 г. до н. э., когда царь вошел во владение Южной Иллирией [28, р. 76]. Оставаясь за пределами национальной территории, город являлся опорным пунктом македонской власти в регионе. В период правления династии Антигонидов четыре города были основаны в самой Македонии – две Антигонии, Стратоникея, Персеида, которые были организованы по греческому образцу [20, р. 42–43].

Можно сказать, что, как и в других эллинистических монархиях, в Македонии развивались самоуправляющиеся космополитические «греческие» города. Существует мнение, что урбанизация и адаптация греческого образа жизни способствовали «сплаву» македонской и греческой идентичности [8, р. 96]. Однако следует обратить внимание на тот факт, что число полисов, построенных, а не присоединенных, было невелико. Если брать в расчет лишь территорию Македонии, то всего восемь. Можно соотнести эту цифру с данными из царства Селевкидов. Согласно Аппиану, Селевк построил шестнадцать Антиохий, пять Лаодикей, девять Селевкий, три Апамеи и одну Стратоникею, остальным городам давал имена греческих или македонских городов (App. Syr. 57). Даже если часть их была переименованными восточными городами, тем не менее процент полисов все же существенно выше, чем в Македонии. В самом Египте тоже было мало городов полисного типа (всего три), но во внешних владениях были построены 34 города, они являлись опорными пунктами египетского влияния [21, с. 381].

Можно обратиться также к географическому положению полисов в Македонии. Кассандр основал путем синойкизма Фессалоники на берегу Фермейского залива (Strab. VII. fr. 21) и Кассандрию в Халкидике на участке Потидеи, присоединив и значительное число соседних городов (Diod. XIX. 52. 2–3; Strab. VII. fr. 25). Одна Антигония располагалась в Халкидике, согласно Ливию (Liv. XLIV. 10. 8) и эпиграфическим свидетельствам [28, р. 91. n.1], на южном побережье. Вторая – в Пеонии, ее точное местоположение не известно, основателем последней мог быть Антигон Гонат или Антигон Досон; построена она была с целью охраны прохода из Пеонии в Македонию [28, р. 92].

Фила была основана в Македонии Деметрием II на берегу реки Пеней и названа в честь его матери; город занимал стратегический участок при входе в Темпейскую долину [28, р. 100]. Стратоникея располагалась в Халкидике, на южном побережье Актэ [28, р. 101. п. 3], она была основана, вероятно, Гонатом и названа в честь его сестры. Местонахождение Персеиды еще не установлено, основал ее Филипп V после фракийской кампании 183 г. до н. э. Согласно Ливию (Liv. XXXIX. 53. 14–16), город располагался в Пеонии около реки Эригон [28, р. 99, п. 2]. Еще один город, местонахождение которого не определено, – Уранополис, основанный братом царя Кассандра примерно в 316 г. (Strab. VII. fr. 35); предположительно, город находился на горе Афон [28, р. 105]. На основании этих данных можно с уверенностью утверждать, что при строительстве полисов цари руководствовались не греческими интересами, а стратегическими и экономическими задачами. После битвы при Киноскефалах Филипп V практиковал широкое предоставление автономии городам [20, р. 47], но в политических и экономических причинах этого шага сомневаться не приходится. Эллинизация не была целью ни одного из эллинистических царей, скорее она была результатом колонизации [28, р. 66].

Таким образом, в зависимости от специфики завоевания каждого района можно выделить некоторые общие черты: часть жителей обычно изгонялась, но большинство сохраняло свои дома; земельные угодья, леса и шахты становились собственностью короны, но города владели собственными территориями, выплачивали в той или иной форме дань и поставляли воинские контингенты в царскую армию. Греческое влияние на градостроительную политику македонских царей особенно заметно после Восточного похода. В сущности, к концу III в. до н. э. наличие полисов превращает структуру государства в гораздо более сложную систему, чем требует государственность унитарного типа. Однако нужно признать, что эти изменения были результатом продуманной политики царей.

2. Матримониальная политика македонских царей преследовала, как правило, две цели: во-первых, политическую, во-вторых, рождение как можно большего числа сыновей [29, р. 29–30; 30, р. 73]. Так, Филипп II был женат семь раз, и каждый брак был призван укрепить международные связи Македонии [31, р. 17–27; 32, р. 377]. Заключая многочисленные браки с представительницами правящих домов соседних государств и племен, он способствовал сближению (если не сказать смешению) выс-

ших сословий. К сожалению, данные источников не позволяют проследить эти процессы относительно рядовых граждан. Тем не менее допустимо предположение, что между иллирийцами и македонянами смешанные браки существовали, по крайней мере, в аристократической среде [33, р. 282]. В сущности, Филипп II, Александр Македонский, Филипп Арридей, Адея-Эвридика – все они имели в своей родословной иллирийцев.

Основываясь на сохранившихся сведениях о придворной жизни, можно говорить о сильном иностранном влиянии на ее различные стороны. Как известно, в качестве наставника своего сына и юношей, воспитывавшихся вместе с ним, Филипп пригласил греческого философа Аристотеля (Plut. Alex. 7). Царь желал, чтобы его сын получил настоящее эллинское образование. Аристотель среди многих предметов учил своего воспитанника науке управления государством [21, с. 19]. Примечательно, что в источниках нет сведений о получении такого же образования другим сыном Филиппа – Арридеем, который был немного старше Александра. Вероятно, к этому времени умственное отставание Арридея было уже очевидно, поэтому лишь Александра отец рассматривал как своего наследника [34, р. 24], отсюда и выбор соответствующего образования.

Следует также обратиться к сведениям о дочери Филиппа II Киннана. Ее матерью была иллирийская принцесса Авдата. Киннана, вероятно, с согласия отца, получила военную подготовку, принимала участие в бою против иллирийцев, убив много врагов (Polyaen. VIII. 60). После смерти Александра она сражалась с отрядами Антипатра, пытавшимися помешать ей пересечь Стримон, а затем и Геллеспонт (Ibid.). Есть мнение, что войско, сопровождавшее Киннана, состояло из иллирийских наемников [35, р. 185]. Она воспитывала свою дочь Адею-Эвридику в соответствии с обычаями иллирийцев: с малых лет обучала ее владеть боевым оружием, впоследствии Эвридика, как и ее мать, участвовала в военных походах [36, с. 61].

Показательны в этом смысле вещи, которые были найдены в раскопанном в 1977 г. профессором М. Адроникосом некрополе в Вергине. Исследования кремированных останков в Гробнице II, обнаруженных в погребальных урнах, показали, что они принадлежали мужчине средних лет (погребение в главном помещении) и молодой женщине (погребение в первом помещении). Мужчина, умер в возрасте от 35 до 55 лет; женщине к моменту смерти было от 19 до 28 лет (впрочем, имеются и другие вариан-

ты). Андроникос предположил, что осенью 1977 г. в главном помещении Гробницы II им было открыто погребение Филиппа II (360/59–336 гг. до н. э.) [37, с. 123]. Многие исследователи согласились с тем, что это захоронение в Вергине принадлежит Филиппу II и его семье [38]. Но в женской могиле этого захоронения были обнаружены не только вещи, присущие женскому классическому захоронению, но и предметы, которые используются для ведения боя, такие как топор, колчан для стрел, наконечники стрел [39, р. 239–240]. Исследователи до сих пор спорят, кому могла принадлежать эта могила. Сомнительно, что она могла быть могилой последней жены царя Клеопатры, которая никогда не была замечена в военных действиях, вероятно, там похоронена Адея-Эвридика [40].

Иными словами, не только греческие традиции проникали в культурную жизнь македонян. Например, «полигамия» македонских царей не была нововведением Филиппа II, по-видимому, она появилась раньше, под влиянием традиции Ахеменидской державы [41, р. 169], в состав которой Македония входила в период греко-персидских войн. Примечательно, что в глазах греков полигамия была символом варварства [41, р. 169].

Жены, прибывшие в Македонию, от привычных культов и семейных традиций не отказывались. Можно вспомнить, например, историю о спящей рядом с Олимпиадой змее, которая испугала Филиппа II. Речь, видимо, о том, что Олимпиада осталась привержена дионисийскому культу, обряды которого казались экзотическими, что повлияло на формирование ее негативного образа [34, р. 92]. Так, Плутарх отмечает, что «Олимпиада ревностнее других была привержена орфическим таинствам и неистовствовала совсем по-варварски; во время торжественных шествий она несла больших ручных змей, которые часто наводили страх на мужчин, когда, выползая из-под плюща и из священных корзин, они обвивали тирсы и венки женщин» (Plut. Alex. 2).

Когда Александр Македонский женился на Роксане, соратники не одобрили подобного выбора. Плутарх пишет: этот «...брак сблизил Александра III с варварами, и они прониклись к нему доверием...» (Plut. Alex. 49). Но дело было не в том, что брак с азиаткой не укладывался в традиционные моральные представления, а в том, что Александр мог жениться на сестре любимого из своих друзей, что резко повысило бы статус нового родственника [42, р. 69]. Женильба Александра на дочерях последнего и предпо-

следнего персидских царей (Arg. VII. 4.4) соответствовала его идее «слияния Запада и Востока».

Не следует забывать о возмущавшей греков свободе женщин из царских семей и особенно их вмешательстве в дела государства. В этом отношении примечателен образ матери Александра Македонского Олимпиады, которую источники рисуют безжалостной, мстительной женщиной, жаждавшей власти и упивавшейся ею. Стоит отметить, что эфирские женщины были гораздо свободнее, чем в Афинах или других греческих городах и даже в Македонии [34, р. 7]. Естественно, эта свобода должна была сказаться на образе жизни царицы в Македонии. Как совершенно справедливо указывает Э. Кэрни, Олимпиада воспользовалась отсутствием сына для расширения своей власти, но это не произошло бы, если бы Александр остался дома [34, р. 42].

Яркой личностью была Филадельфия – дочь Антипатра и супруга Деметрия Полиоркета. Она была высокообразованной женщиной, интересовалась государственной политикой, хорошо влияла на своего сына Антигона II Гоната, которому привила политическую мудрость и постоянство характера [43, с. 172]. Диодор отмечает неординарность этой царицы: «Эта женщина, кажется, обладала необыкновенным благоразумием, например, она могла успокоить бунтовщиков в военном лагере, договорившись с каждым индивидуально в должной манере к его случаю, она могла организовывать свадьбы на собственные деньги для сестер и дочерей бедных людей, она могла освободить от судебного наказания ложно обвиненных людей» (Diod. XIX. 59. 4).

В конце IV – начале III вв. до н. э. отмечено значительное участие македонских женщин в политике, что объясняется, прежде всего, дефицитом мужчин из династии Аргеадов. Кроме того, после распада державы Александра и образования эллинистических государств основатели новых династий стремились подчеркнуть законность своей власти, в том числе и через брак с представительницами старой македонской династии. Женщины из царской семьи, образно говоря, были «запасными фигурами», но в период после смерти Александра они часто оказывались реальными лидерами [35, р. 192].

Положение несколько меняется с установлением династии Антигонидов в Македонии. Источники ничего не сообщают о женском влиянии на политику государства. Объяснение, вероятно, кроется в отсутствии кризиса власти, именно в такие периоды роль царских женщин

в жизни страны становилась особенно заметной. Впрочем, допустимо предположение, что они утратили значимость как раз в результате иностранного влияния [44, р. 323].

Приведенные примеры показывают, что и в личной жизни царской семьи не было доминирования греческих традиций. Цари ориентировались, в первую очередь, на нужды и потребности государства, предоставляя женам свободу в общественной жизни.

3. После битвы при Херонее в 338 г. до н. э. и покорения Греции политика Филиппа II носила компромиссный характер. В политической сфере это вылилось в образование Коринфской лиги – греко-македонского союза под руководством царя Македонии. Позднее союз возрождался Антигоном Одноглазым в 302 г. до н. э., но просуществовал лишь несколько месяцев. Более интересным для изучения представляется объединение 224 г. до н. э. под руководством сначала Антигона Досона, а затем Филиппа V. Для нашего исследования важно проанализировать несколько моментов: было ли реальное сотрудничество греков и македонян в рамках этих сообществ? Насколько велико было греческое влияние на формирование союзной политики в рамках этих объединений?

В отношении союза Филиппа II с греками можно отметить, что царь использовал эллинские традиции межгосударственных отношений, не навязывал грекам свое монархическое правление, чтобы стать приемлемым для греков предводителем, хотя панэллинские идеи, единство и мир в Греции были для него не самоцелью, а средством закрепления своего влияния в Элладе. От Филиппа греческие государства получили право на свободу и самоуправление на условиях сотрудничества и уважения к другим государствам [1, с. 684]. При этом царь прилагал усилия, чтобы в греческом общественном мнении македоняне перестали быть варварами, и принял на себя роль борца за греческие интересы [45, с. 7; 46, с. 196]. Однако ни Филипп, ни Александр Македонский не доверяли грекам и не считали их достойными партнерами [46, с. 195; 47, S. 49 f.].

Стоит вспомнить, что Филипп II, учтя опыт доминировавших прежде в Греции государств – Афин, Спарты, Фив, которые держали другие города в подчинении, применяя изгнание противников, поддерживая то или иное правительство и вводя гарнизоны, что, в конце концов, приводило к внутренней борьбе, конфликтам между государствами и междоусобным войнам [48, р. 159], ограничился закреплением за собой стратегически важных полисов. После битвы

при Херонее македонские гарнизоны были расположены в Коринфе, Амбракии (Diod. XVII. 3), Фивах (Paus. IX. 1. 8; 6. 5; Diod. XVI. 87. 3) и, вероятно, в Халкиде на Эвбее [49, р. 82; 50, р. 202 f; 51, р. 168]. При первой же возможности греки стремились избавиться от них.

В поход с Александром ушли незначительные контингенты союзников, хотя Юстин (IX. 5. 6) говорит, что греки могли выставить 200 тысяч пехоты и 15 тысяч конницы. Согласно подсчетам В. Швана, греки должны были предоставить 36 тысяч гоплитов, но с Александром ушло только 12 тысяч, из 5,9 тысячи всадников сразу же ушли с Александром 4,2 тысячи и 700 всадников были отправлены дополнительно, как и 320 кораблей [47, S. 25]. Объяснить, почему Александр взял с собой столь малое количество греческих войск, можно, пожалуй, двумя причинами: 1. Большое войско требовало крупных затрат. Армия Александра начинает расти после захвата персидской казны, первоначально же средств на содержание больших сил не было. По этой же причине он предпочел использовать союзные войска, а не наемников, содержание которых обходилось дороже [52, с. 162]. 2. Союзные контингенты служили для Александра скорее залогом спокойствия греческих государств, чем реальной боевой силой [46, с. 202; 50, р. 208; 53, р. 197; 54, S. 104].

Возможности синедриона лиги – общего совета союзников – были довольно широки, и его решения окончательны в военных, финансовых, судебных делах, во внешней политике и т. п. [48, р. 163]. Синедрион играл бы очень важную роль, если бы его действия не направлялись македонским царем, который был не только союзником греков, но и их главой (Diod. XVI. 89. 1; Dem. XVIII. 201; Polyb. IX. 33. 7; Just. IX. 5. 4; Plut. Mor. 240 a; SVA. III. 403, v. 21 sq.). Характерным примером является решение о судьбе Фив после подавления восстания Александром, когда решение было вынесено синедрионом лиги (Just. XI. 8–9). В сущности, нет ни одного сколько-нибудь важного решения, принятого синедрами самостоятельно за время похода. Да и Александр ограничивался лишь подчеркиванием на словах своего вклада в общеэллинское дело. Так, после битвы при Гранике Александр отослал в дар Афине 300 комплектов персидского воинского снаряжения, на котором была сделана гордая надпись: «Александр, сын Филиппа, и эллины, за исключением лакедемонян, взяли у варваров, населявших Азию» (Plut. Alex. 16; Arr. Anab. Alex. I. 16. 7). Но в результате войны государства Коринфского союза не получили ни территорий, ни добычи, а после

завершения похода Александр вообще перестал нуждаться в союзниках.

Таким образом, творение Филиппа II было удачным: для Греции был найден выход из социального кризиса путем массовой эмиграции, а Македония включила Грецию в свою сферу влияния, при этом царь смог вести длительную войну за рубежом, не опасаясь утратить гегемонию в Греции. Однако этот союз не мог существовать долго, ибо он был нужен македонским царям лишь на время персидской войны. В целом можно подчеркнуть, что тщательно разработанный договор лиги, обширные полномочия общегреческого совета были призваны не только создать иллюзию равноправного партнерства, но и отвлечь от Македонии внимание греческих политиков, создав для них новое поле для состязаний.

Столетие спустя после этих событий македонский царь Филипп V попытался реализовать отброшенные диадохами планы Александра о «слиянии народов» в рамках нового греко-македонского союза. Замысел Филиппа по масштабам был гораздо скромнее, чем у Александра. Политическая ситуация в Греции сложилась таким образом, что давала надежду на реальное сотрудничество греков и македонян в межгосударственной организации. «На Востоке существовали две формы континуитета: в деревне – древневосточный, местный, а в городе – греческий. Что касается Македонии, то для нее не оказалось места в новой структуре, македонского континуитета мы не находим на Востоке. Не случайно македоняне очень быстро слились здесь с греками в единый господствующий слой» [55, с. 101; также ср. 56, р. 217]. Ко времени царствования Филиппа итоги «слияния» были очевидны. Факт сближения греков и македонян на Востоке порождал надежду на подобное слияние, точнее, на преодоление противоречий и сепаратизма, и на Балканском полуострове.

Договор и союзная организация лиги 224 г. до н. э. имеет много общего с альянсом 338 г. до н. э., основным отличием было то, что членами лиги 224 г. до н. э. стали в основном не отдельные полисы, а федерации. Македония никогда в принципе не была против подобных объединений: Коринфская лига 338 г. до н. э. тоже признавала греческие федерации [57, р. 12; 49, р. 77 f.]. Македонские правители задолго до Филиппа V поняли, что ликвидация независимости греческих городов нежелательна, поскольку традиции автономии имели в Греции глубокие корни, любое явное нарушение ее могло привести к потере сторонников царя в данном городе.

В дополнение к этому можно отметить, что внутренняя оппозиция не могла агитировать за свободу и избавление города от македонской власти, так как полис уже признан македонянами свободным. Даже Антигон Гонат не делал никаких попыток прямого завоевания Греции. Возможно, у него не было достаточно сил для этого, но скорее всего потому, что покорение греческих полисов не являлось острой необходимостью [58, р. 66].

В союзе 224 г. до н. э. полного равноправия не было даже между греческими государствами, так как некоторые из них, находясь под контролем более сильной державы, едва ли могли претендовать на самостоятельные действия. Невозможно оставить без внимания и тот факт, что из всех греческих союзников наиболее значимой силой была Ахейская федерация. Более того, молодой македонский царь Филипп V довольно долго находился под влиянием ахейского стратега Арата (Plut. Arat. 46; 48). Эти обстоятельства заставляли остальных членов лиги поддерживать ахейские притязания.

Тем не менее все участники были не только более деятельны и активны, чем в прежних коринфских союзах, но и более самостоятельны по отношению к центральной власти [59, р. 355], чему в немалой степени способствовала более разработанная процедура принятия решений. Филипп V старался не допустить принятия в синедрионе неугодного ему решения, однако члены союза, в свою очередь, могли не ратифицировать решение, вызывавшее у них недовольство. Глава союза при осуществлении своей политики в Греции использовал не только методы Филиппа II, но и учел опыт Антигона Гоната [59, р. 390]. Кроме широких полномочий, которые давала ему должность гегемона, он имел в Греции македонские гарнизоны в наиболее важных частях страны, а также наместников и царского уполномоченного, что делало позицию македонского царя в Греции более сильной и стабильной.

Однако не следует забывать и тот факт, что греческие союзники под влиянием наиболее сильного из них неоднократно оказывали давление на македонского царя. Можно вспомнить, что именно по решению общего совета Македония вступила в так называемую Союзническую войну 220–217 гг. до н. э. В ходе нее царь попытался вмешаться в предвыборную кампанию, проходившую в Ахейской федерации в 218 г. до н. э. Источники единодушно говорят, что Филипп под влиянием своего окружения поддержал кандидатуру Эперата, представлявшего оппозицию (Plut. Arat. 48; Polyb. IV. 82. 6–

8). По мнению Д. Мендельс [60, р. 158], для македонян важнее были политические, а не социальные мотивы выборов. Видимо, царь опасался, что к власти вновь придет Арат Старший, представлявший, по мнению ближайшего окружения Филиппа, угрозу македонским интересам в Греции. Даже слабые полководческие способности Арата и передача общего командования царю не позволили бы последнему действовать по своему усмотрению. Результатом этого вмешательства стало прекращение финансирования македонской армии в разгар боевых операций. Филипп был вынужден вести переговоры с Аратом, видимо, договоренности были достигнуты, поскольку вскоре после этого македонянам была предоставлена крупная сумма. Но даже ее не хватало на покрытие всех затрат Македонии. Таким образом, можно говорить, что Филипп зависел от союзников в финансовом отношении, но умел вести переговоры, так что компромисс существовал.

Военные действия в период первой римско-македонской войны наглядно демонстрируют прочность греко-македонских союзных отношений. Несмотря на неудачи и потери, македонский царь стремился оказать помощь всем своим союзникам. В 209 г. до н. э., когда в Македонии началось восстание, царь был вынужден уйти из Греции, хотя военный сезон еще не закончился. Но даже в условиях, когда ему могли потребоваться все силы для подавления смуты, он оставил союзникам 2 500 воинов (Liv. XXVII. 32. 10). В 207 г. до н. э. беотийцы, страшась неприятельского флота, просили у царя помощи, с такой же просьбой обращались жители Эвбеи, акарнанцы и, вероятно, эпироты (Polyb. X. 41. 2–3). Для Македонии в тот момент угрозу представляли соседние иллирийские и фракийские племена, которые только ожидали ухода царской армии в Грецию, чтобы совершить вторжение в Македонию (Polyb. X. 41. 4; Liv. XXVIII. 5. 7). Тем не менее Филипп обещал союзникам помощь и оказал ее, поэтому Эллинский союз не распался в ходе этой войны. Верность лиге и Филиппу сохраняли пелопоннесцы, беотийцы, эвбейцы, фокидцы, локры, фессалийцы и эпироты (Polyb. XI. 5. 4).

Таким образом, союз существовал более двадцати лет не только с помощью насилия. Устойчивость его обеспечивалась условиями союзного договора, самим устройством лиги и заинтересованностью союзников друг в друге, особенно в начальный период существования: одни нуждались в помощи, другие – в защите, третьи рассматривали Македонию как противоязв одному из крупных греческих государств,

четвертые надеялись преодолеть социальные противоречия. Но со временем, в силу разных причин, стали сильнее проявляться центробежные силы.

Если следовать за Полибием, то большую роль в возникших разногласиях сыграло нежелание царя следовать «мудрым» советам ахейского стратега Арата и влияние на Филиппа иллирийского авантюриста Деметрия Фарского (Polyb. V. 12. 5 sqq.; VII. 13 sq.; ср.: Plut. Arat. 50). Полибий, воспитанный в кругу тех политических деятелей Ахейского союза, которые боготворили Арата и рассматривали себя в качестве наследников его политики, представляет его читателю как мудрого государственного мужа, способного предвидеть последствия тех или иных политических действий, когда результат их еще никому не был ясен [61, р. 53; 62, р. 3]. Соответственно, в изображении ахейского историка характер Филиппа меняется. Сначала он – молодой царь, демонстрирующий великодушие и мягкость (Polyb. IV. 24. 9; 27. 9–10; 77. 1–4) и готовность консультироваться с ахейскими политиками и соблюдать ахейские интересы (Polyb. IV. 72. 5–6; 73.2). Он демонстрирует стратегические навыки (Polyb. V. 2. 1–6) и зрелость суждения (Polyb. IV. 82. 1; V. 29. 2). Однако, попав под дурное влияние Деметрия Фарского, он вскоре показывает черты настоящего тирана (Polyb. VIII. 12; X. 26. 7–8). Оставив в стороне рассуждения о предложенной характеристике Филиппа и о причинах, побудивших Полибия создать такой образ, отметим лишь тот факт, что македонский царь не желал быть марионеткой ни в чьих руках.

Таким образом, возвращаясь к поставленным выше вопросам, подчеркнем следующее: если союз 338 г. до н. э. был своеобразной формой подчинения македонянами Греции, то лигу 224 г. до н. э. можно рассматривать как организацию, основанную на реальном сотрудничестве греков и македонян. Космополитическая природа эллинистического мира предполагала, что региональные различия, в конечном счете, исчезли бы со временем [58, р. 61]. Греко-македонская эра могла стать реальностью, однако вмешательство римлян помешало осуществлению этого слияния. При этом успехи лиги не следует связывать с деятельностью греков, большинство заслуг принадлежит македонскому правителю, а причины неудач и развала лиги кроются в амбициях некоторых греческих государств.

Подводя общий итог, необходимо подчеркнуть, что греческое влияние широко распространялось в тех сферах и тогда, где и когда это

было нужно македонским правителям. Поэтому изучать историю Македонии не следует через «греческую призму». Хотя незамкнутая природа македонского государства, заложенная в глубокой древности, создала основу для широкого внедрения иностранных элементов в политическую и культурную жизнь Македонии, но не стоит говорить, что «филэллинство» македонян нужно понимать как стирание национальных различий. Даже в рамках союза 224 г. до н. э. равноправие греков и македонян диктовалось политическими и военными, а не философскими соображениями. В целом следует отметить прагматизм македонских царей, а их политику можно оценить как умелое использование процесса эллинизации в своих интересах. По образному выражению О'Коннелла [63, р. 62], македонская армия была «хамелеоном», обладая способностью приспосабливаться к любой боевой ситуации; при этом талант полководца играл значительную роль. Можно сказать, что таким же «хамелеоном» было и македонское государство, прочность и жизнеспособность которого зависела от того, насколько сильный и талантливый правитель стоял во главе него.

Список литературы

1. Хэммонд Н. История Древней Греции / Пер с англ. Л.А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2008. 703 с.
2. Hatzopoulos M.B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. *МЕΛΕΤΗΜΑΤΑ* 30. Athènes, 2001. 182 p.
3. Sprawski S. The Early Temenid Kings to Alexander I // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 127–144.
4. Thomas C.G. The Physical Kingdom // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 65–80.
5. Hatzopoulos M. B. Macedonia and Macedonians // *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD* / Ed. by Robin J. Lane Fox. Leiden–Boston, 2011. P. 43–50.
6. Archibald Z. Macedonia and Thrace // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 326–341.
7. Sawada N. Social Customs and Institutions: Aspects of Macedonian Elite Society // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 392–408.
8. Engels J. Macedonians and Greeks // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 81–98.
9. Koukouli-Chrysanthaki Ch. Amphipolis // *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD* / Ed. by Robin J. Lane Fox. Leiden–Boston, 2011. P. 409–436.
10. Hammond N.G., Griffith G.T. *A History of Macedonia*. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1979. 755 p.
11. Hatzopoulos M.B. *Macedonian Institutions under the Kings*. Vol. 1: A Historical and Epigraphic Study. *МЕΛΕΤΗΜΑΤΑ* 22. Athens, 1996. 520 p.
12. Шахермайр Ф. Александр Македонский / Пер. с нем. М.Н. Ботвинника. М.: Наука, 1984. 384 с.
13. Bengtson H. *Kleine Schriften zur alten Geschichte*. München: C. H. Beck, 1974. 670 S.
14. Hatzopoulos M. B. The cities // *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD* / Ed. Robin J. Lane Fox. Leiden–Boston, 2011. P. 235–241.
15. Millett P. The Political Economy of Macedonia // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 472–504.
16. Фор П. Повседневная жизнь армии Александра Македонского / Пер. с фр. Т.А. Левиной. М.: Мол. гвардия, 2008. С. 362 с.
17. Akamatis I.M. Pella // *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD* / Ed. Robin J. Lane Fox. Leiden–Boston, 2011. P. 393–408.
18. Huerta F.Jr. The cities of Philip and Alexander: early Macedonian colonization. California State University, Fresno, 1996. x, 99 p.
19. Koukouli-Chrysanthaki Ch. Philippi // *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD* / Ed. by Robin J. Lane Fox. Leiden–Boston, 2011. P. 437–452.
20. Papazoglou F. Les villes de Macédoine à l'époque Romaine // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. Suppl. XVI. Paris: Diffusion de Boccard, 1988. xvii, 525 p.
21. Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И. Александр Македонский и Восток. М.: Наука, 1980. 456 с.
22. Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 381 с.
23. Кошеленко Г.А. Восстание греков в Бактрии и Согдиане 323 г. до н. э. и некоторые аспекты греческой политической мысли IV в. до н. э. // *Вестник древней истории*. 1972. № 1. С. 59–78.
24. Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский: к проблеме кризиса полиса. М.: Наука, 1993. 286 с.
25. Badian E. Alexander the Great and the Greeks of Asia // *Ancient Society and Institutions*. N.Y., 1967. P. 43–50.
26. Landucci-Gattinoni F. *L'arte del potere: Vita e opere di Cassandro di Macedonia*. Stuttgart (Historia. Einzelschriften. 171), 2003. 185 p.
27. Graninger D. Macedonia and Thessaly // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 306–325.
28. Cohen G.M. *The Hellenistic settlements in Europe, the islands, and Asia Minor*. Berkeley – Los Angeles, 1995. 494 p.
29. Fernández Nieto F.J. La designación del sucesor en el antiguo reino de Macedonia // *Gerion Anejos*. Vol. IX. 2005. P. 29–44.

30. Thomas G.G. "What You Seek Is Here": Alexander the Great // *The Journal of The Historical Society*. 2007. Vol. 7. 1. P. 61–83.
31. Ogden D. Polygamy, prostitutes and death. The hellenistic dynasties. L., 1999. 312 p.
32. King C.J. Macedonian Kingship and Other Political Institutions // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 373–391.
33. Greenwalt W.S. Macedonia, Illyria and Epirus // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 279–305.
34. Carney E. Olympias, Mother of Alexander the Great. N.Y.–L., 2006. 221 p.
35. Carney E. Women and Military Leadership in Macedonia // *The Ancient World*. 2004. Vol. 35. 2. P. 184–193.
36. Шофман А.С. Распад империи Александра Македонского. Казань: Изд-во КГУ, 1984. 224 с.
37. Андроникос М. Царские гробницы в Вергине // *Вестник древней истории*. № 1. 1990. С. 107–129.
38. Неверов О.Я. Находки в Большом кургане в Вергине и проблемы торевтики эпохи раннего эллинизма // *Вестник древней истории*. 1990. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rec.gerodot.ru/vergina/neverov01.htm>
39. Carney E. D. Women and monarchy in Macedonia. Norman: University of Oklahoma Press, 2000. 362 p.
40. Кузьмин Ю.Н. Из истории археологических раскопок в Вергине // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* / Под ред. проф. Э.Д. Фролова. Вып. 6. СПб., 2007. С. 289–308.
41. Müller S. Philip II // *A Companion to Ancient Macedonia* / Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 166–185.
42. Nourse K. L. Women and the early development of royal power in the hellenistic east. University of Pennsylvania, 2002. v. 303 p.
43. Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма / Пер. с нем. Э. Д. Фролова. М.: Наука, 1980. 391 с.
44. Carney E. Foreign influence and the changing role of royal macedonian women // *Ancient Macedonia*. Fifth international symposium. Vol. 1. 1998. P. 313–323.
45. Фролов Э.Д. История эллинизма в биографиях его творцов // Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 3–26.
46. Фролов Э.Д. Панэллинизм в политике IV века до н. э. // *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 2. М., 1983. С. 157–207.
47. Schwahn W. Heeresmatrikel und Landfriede Philipps von Makedonien. Leipzig, 1930. 63 S.
48. Hammond N.G. Philip of Macedon. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994. 235 p.
49. Roebuck C. The settlements of Philip II with the Greek states in 338 // *Classical Philology*. 1948. Vol. 43. P. 73–92.
50. Ellis J. R. Philip II and macedonian imperialism. London, 1976. 312 p.
51. Cawkwell G. Philip of Macedon. L.–Boston, 1978. 215 p.
52. Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М.: Наука, 1975. 275 с.
53. Bosworth A.B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge, N.Y., 1988. xiii, 330 p.
54. Wilcken U. Alexander der Grosse und der Korinthische Bund // *SB Berlin. Abh.* 18. 1922. S. 97–118.
55. Маринович Л.П. Александр Македонский и становление эллинизма // *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 1990. С. 86–102.
56. Billows R. A. Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden–N.Y.–Köln, 1994. xv, 237 p.
57. Aymard A. Un ordre d'Alexandre // *Revue des études anciennes*. Т. 39. 1937. P. 5–28.
58. Gabbert J.J. Antigonos II Gonatas. A Political Biography. L.–N.Y., 1997. 88 p.
59. Will E. Histoire politique du monde hellénistique. Т. 1–2. Nancy, 1966–1967.
60. Mendels D. Polybius, Philipp V and the Socio-economical Questions in Greece // *Ancient Society*. 1977. Vol. 8. P. 154–174.
61. Eckstein A.M. Polybius, Demetrius of Pharos, and the Origins of the Second Illyrian War // *Classical Philology*. 1994. Vol. 89. No. 1. P. 46–59.
62. Chrimes K.M. Ancient Sparta. A Reexamination of the Evidence. Manchester, 1949. xv, 527 p.
63. O'Connell R.L. Of Arms and Men: A History of War, Weapons, and Aggression. N.Y.–Oxford, 1989. 374 p.

**HELLENIZATION OF MACEDONIA IN THE FOURTH–THIRD CENTURIES B.C.:
ON THE POLITICAL ASPECT OF AN OBJECTIVE PROCESS**

N.Yu. Sivkina

The article deals with the characteristics of the city-building policy of the Macedonian kings, the influence of foreign culture on the Macedonian court life and the relations between the Greeks and Macedonians within the Hellenic leagues of 338 and 224 B.C. The author concludes that Macedonians widely borrowed foreign elements in political, social and cultural fields, but Hellenization of their state was the result of the pragmatic policy of the Macedonian rulers.

Keywords: Hellenization, Phillip II of Macedon, Phillip V of Macedon, Hellenic league.